

DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-185-194
УДК 94+63.3 (4Там)

ОТНОШЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ТАМБОВСКОГО РЕГИОНА К ПРОВОДИМЫМ МЕРОПРИЯТИЯМ ВКП(б) ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг. (на основе писем и дневников)

Андрей Владимирович ЖИГУЛЬСКИЙ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Аннотация. Проанализировано отношение населения Тамбовского региона к проводимым мероприятиям Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) во второй половине 1930-х гг. Рассмотрены основные действия местных властей в исследуемый период. Особое внимание уделено изучению масштабов проводимых мероприятий и их влияния на местное население. Выявлены причины невыполнения региональной властью многих плановых показателей правительства. Рассмотрены применяемые местными чиновниками методы, направленные на достижение поставленных задач. На основе писем и дневников, написанных во второй половине 1930-х гг., было определено отношение жителей региона к проводимым мероприятиям. Оценка формировалась под влиянием множества факторов, среди которых возраст, место проживания, социальное положение, политическое притеснение или его отсутствие, а также религиозность мемуаристов. Во время проведения мероприятий население переселялось в город, а также нередко совершало преступления в виде кражи или спекуляции дефицитных товаров. Для борьбы с халатностью, медлительностью и злоупотреблениями местной власти стали чаще обращаться с жалобами или разнообразными разъяснениями в вышестоящие органы, но перестали организовывать восстания и митинги. Рассмотрена позиция авторов писем и дневников на внешнюю политику, проведенную советской властью.

Ключевые слова: коллективное хозяйство; обязательные и добровольные платежи; репрессии; преступления; «травля» неугодных людей; просвещение и медицина в регионе

На рубеже 1920–1930-х гг. государством было проведено множество преобразований, которые серьезным образом изменили положение населения страны. Советские жители полагали, что с завершением основной части реформ во второй половине 1930-х гг. жизнь стабилизируется и уровень благосостояния начнет расти. Центральные и региональные власти рассчитывали, что проведенные преобразования начнут приносить результаты. В итоге данный период являлся временем ожидания как обычных людей, так и государства. Целью нашей исследовательской работы стало определение характера взаимоотношения общества и власти в Тамбовском регионе во второй половине 1930-х гг. Для достижения результата были поставлены следующие задачи:

- 1) рассмотреть основные действия региональных властей в исследуемый период и определить их влияние на население региона;
- 2) определить отношение советских обывателей к проводимым мероприятиям;
- 3) изучить тактику действия населения региона во второй половине 1930-х гг.

На территории Тамбовского региона к концу 1930-х гг. проживало около 1,9 млн человек¹, что делало его одним из самых густонаселенных районов страны. В сельской местности находилось более 80 % жителей, что определяло аграрную специализацию края. Насильственное и скорое разрушение крестьянских хозяйств в начале 1930-х гг. привело к социально-экономическому кризису, из которого местное население стало выходить только к середине исследуемого десятилетия.

Руководство страны полагало, что деревня окончательно перестроилась на колхозный уклад и организационные трудности позади, поэтому повышение налогов не должно было привести к новым осложнениям на местах, которые возникли в начале 1930-х гг. Колхозы теперь должны были организовывать сборы обязательных (сельскохозяйственный налог, окладное страхование, возврат ссуд сельскохозяйственного кредита) и добровольных платежей (самообложение, паевые взносы, добровольное страхование,

¹ РГАЭ (Российский государственный архив экономики). Ф. Р-1562. Оп. 329. Д. 280. Л. 151-154.

вклады в потребкооперацию). Основным для крестьян стал единый сельскохозяйственный налог, который предусматривал обложение всех неземельных заработков. На практике это привело к произволу местных чиновников. От предпочтений представителя власти зависело, будет ли крестьянское хозяйство процветать или разорится.

Население происходящее воспринимало болезненно, но открыто выступить против политики государства опасалось в силу нескольких причин. Во-первых, местные жители осознавали, что оно не простит открытый протест и однозначно сурово накажет. Во-вторых, в сельской местности практически не осталось активистов, способных организовать волнение, мятеж. Во время проведения сплошной коллективизации большинство из них были отнесены к кулакам и убиты, или высланы из региона.

Однако в руководстве страны понимали, что бедняцкие хозяйства не способны регулярно выплачивать налоги, и рекомендовали их освободить от этого. Местные чиновники были не согласны с данным решением, так как оно снижало показатели. В итоге райисполкомы издавали свои постановления, в которых самостоятельно определяли список «платежеспособных» хозяйств. Те, кто попал под индивидуальное обложение, платили налоги в принудительном порядке. Между тем местная администрация не была уверена в том, с кого можно требовать, а с кого нет, так как сохранялась неясность в определении положения крестьян (бедняк, середняк, кулак). Усугубляло ситуацию для чиновников то, что они изменили тактику борьбы с властью, фактически отказавшись от восстаний или мятежей. Так, инвалид-середняк И.К. Шепелев, житель Мордовского района, обратился в районную администрацию с жалобой на сельский совет, который, по его мнению, установил неверный налог. Не получив защиты, он попросил справку, которая подтверждала бы, что является середняком, но ее не дали. На просьбу отнести его тогда к кулакам, также отказали². Приведенный случай является типичным для того времени. Местное руководство оказалось в сложном положении, так как, с одной стороны, оно могло вершить судьбы людей, с другой – находи-

лось в постоянном страхе перед центральной властью, которая могла сурово наказать за нарушения закона.

Существенными были добровольные платежи. Первоначально население относилось к ним положительно, рассчитывало, что полученные средства пойдут на улучшение их жизни в виде строительства мостов, дорог, больниц и т. д. Уверенность в этом подкрепляло государство, которое активно пропагандировало подписку облигаций и займов. Между тем некоторые чиновники, стремясь увеличить сумму платежей, шли на явное нарушение закона. Выпускали листовки, в которых помимо призыва стать участником этого процесса содержалось и предостережение. Отказ от данного мероприятия воспринимали как враждебный акт по отношению к советской власти. В некоторых районах местная власть пошла на более решительные меры. Отказывали в выдаче любых справок тем людям, которые не подписали очередной добровольный платеж. Так, в Уваровском районе только после покупки облигации на 10 рублей выдавалось разрешение на помол зерна³. Местное население не видело реального улучшения своего жизненного положения, поэтому стало противиться этим сборам, всячески отказываясь от них.

Руководители районов, колхозов, чтобы не допустить общего снижения сборов, стали описывать имущество у должников и тут же его продавать. Для выявления доходов людей было организовано Бюро выборок почтовых переводов, которое фиксировало финансовые операции свыше 10 рублей и отправляло информацию налоговым учреждениям. Свои действия они тщательно скрывали. Советские обыватели вскоре стали догадываться о контроле власти над всеми переводами, что привело к снижению их общей суммы к концу десятилетия. Так, Ольга Соколова, уроженка Тамбова, в своем письме от 4 июля 1930 г. отмечала, что ей нужно послать своей родственнице 200 рублей⁴, но уже через несколько лет прекратила осуществлять финансовые операции, несмотря на рост своих доходов в связи с повышением в должности. Люди перестали доверять почте. «При встрече, я Вам кое-что расскажу о нем, сейчас же

² ГАТО (Государственный архив Тамбовской области). Ф. Р-39. Оп. 1. Д. 198. Л. 39.

³ РГАЭ. Ф. Р-7486. Оп. 37. Д. 237. Л. 395.

⁴ Письмо Ольги Соколовой своей сестре Мусе 04.07.1930 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 1.

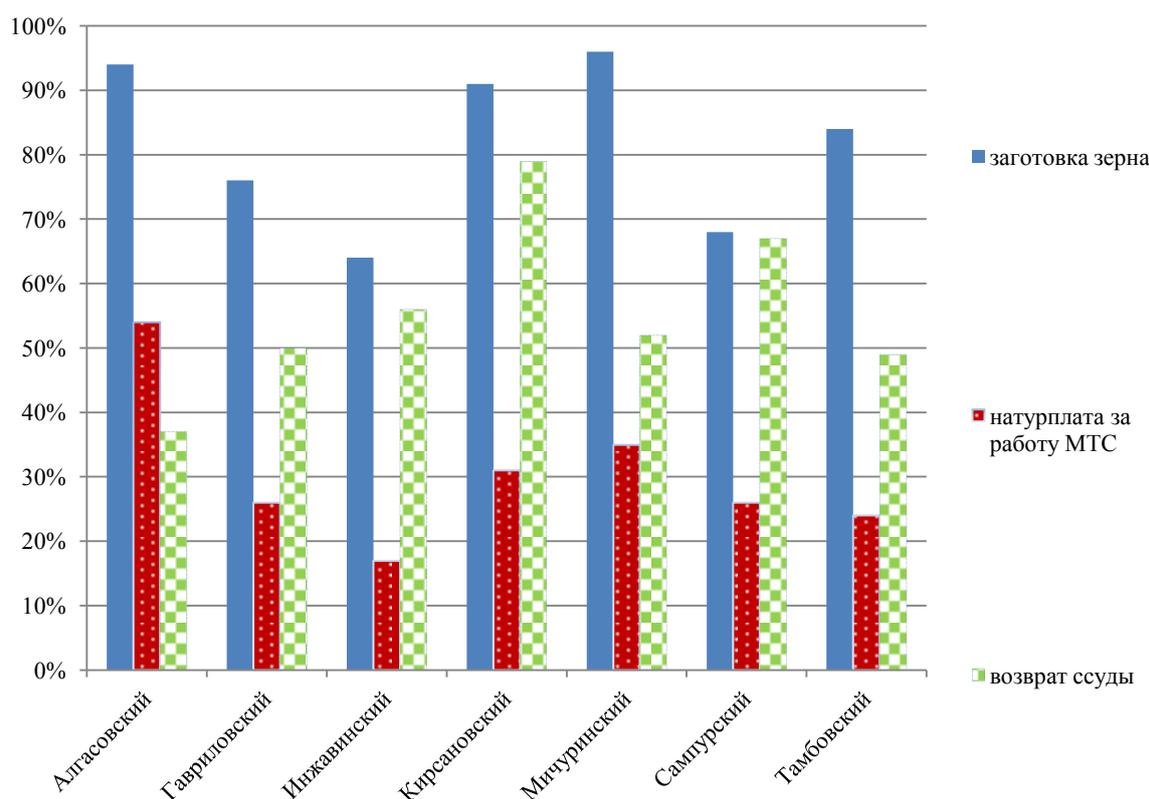

Рис. 1. Показатели выполнения районами Тамбовской области зерновых и финансовых обязательств перед государством за 1938 г. (ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 393е. Л. 11-17).

не решаюсь – не доверяю я почте даже после новой конституции!»⁵.

Стремясь увеличить свои доходы, государство установило такие планы, которые были непосильны для большинства хозяйств (рис. 1).

Как мы видим из гистограммы, ни один показатель не был выполнен. Относительно успешно было только с объемом сдачи зерна, но и здесь никто не смог реализовать полностью план. Все представленные районы испытывали серьезные финансовые трудности. Значительные задолженности существовали также перед машино-тракторными станциями (МТС). На основе полученных данных мы можем сделать предположение, что выполнение установленных правительством показателей требовало от хозяйств максимального напряжения своих сил, в результате чего

уровень жизни обыкновенного сельского труженика практически не менялся.

Центральная власть тщательно следила за выполнением регионами установленных планов и не интересовалась в большинстве своем возможностями на местах. Главное, чтобы темпы роста советской экономики не снижались. В итоге в условиях бюрократического централизма вышестоящему руководству важнее был формальный отчет, нежели реальная производственная база. С каждым годом росло число различных совещаний, которые посещали сотни тысяч людей⁶. Ощутимой пользы от этих собраний не было, потому что в основном они проводились людьми, далекими от сельского хозяйства, не имевшими профессиональной подготовки.

⁵ Письмо от Тамары Константиновны Ирине Ивановне 29.08.1937 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 3.

⁶ ГАСПИТО (Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области). Ф. П-855. Оп. 1. Д. 377. Л. 4.

Сохранявшиеся трудности, а где-то и существенные неудачи, государство стало объяснять действиями «врагов народа», к которым относилось не только «вчерашних» кулаков, священнослужителей и других представителей привилегированного дореволюционного общества, но и разложившихся партийцев, чья деятельность приносила вред стране. Данная группа людей в основном пострадала от репрессий [1]. К сожалению, подверглись притеснению многие люди, не имевшие отношения к политике.

Средний возраст политических репрессированных на отрезке 1934–1940 гг. составлял 45,9 года [2, с. 269], когда человек находился на пике своих трудовых возможностей. Советское государство значительно меньше притесняло молодое поколение. Дела в отношении юных нередко прекращались. Своеобразная «мягкость», по мнению А.Б. Сулова, является «свидетельством проявления здравого смысла» [3, с. 194]. Безусловно, подростков обвиняли в шпионаже, терроризме, но такие случаи были единичными. Советские органы готовы были поверить в антисоветскую пропаганду [3, с. 193] вчерашних детей, но не в организацию ими контрреволюционных организаций.

Среди приговоров в исследуемый период преобладали расстрелы (38,86 %), 10 лет тюремного наказания (32,52 %) и 7–9 лет (15,23 %) [2, с. 275]. В гендерном отношении мужчины среди арестованных были в подавляющем большинстве (в 1935–1940 гг. 94,6 %) [2, с. 270]. Репрессии мало затронули женщин, так как почти все они не интересовались политикой и редко занимали значимые социальные позиции.

Государство несильно беспокоила законность многих арестов. Главное – поддержание порядка на местах. Ошибок со стороны Народного комиссариата внутренних дел (НКВД), прокуратуры, милиции и других советских учреждений было немало. Так, 27 августа 1937 г. сотрудниками НКВД был арестован рабочий Жирков, который обвинялся в контрреволюционном вредительстве, но между тем отсутствовал доказательный материал и не было на арест санкции прокурора. Человек просидел в заключении 7 месяцев⁷. В то же время были случаи, когда органы государственного обвинения вставали

⁷ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 410. Л. 46-47.

на защиту подсудимого, требуя смягчения приговора. В Каменском районе прокурор, не согласный с приговором суда, который был вынесен 29 июня 1938 г. в отношении акушерки Касаткиной, стал просить снизить приговор до 1 года исправительно-трудовых работ. По мнению государственного обвинителя, медицинский сотрудник дала ошибочно не то лекарство, что привело к смерти пациента, так как «трудно различить эти две соли»⁸.

Перегибы местных властей встречались часто не только в вынесении необоснованных приговоров, но и в «травле» неугодных людей. В 1937–1938 гг. эта практика приняла широкий размах. Так, прокуратурой Тамбова в 1938 г. было начато расследование многочисленных случаев самоубийств граждан, состоявших во Всесоюзном ленинском коммунистическом союзе молодежи (ВЛКСМ). В отношении Шуравлевой, ученицы завода «Комсомолец», были доказаны элементы травли⁹.

В итоге в исследуемый период политические репрессии затронули более 10 тыс. человек.

Авторы писем и дневников не знали о существовании в государстве массовых репрессий. Люди, пострадавшие от проводимой политики, не считали свое нахождение в тюрьме планомерным действием правительства. Произошедшее человек объяснял чаще сведением счетов с ним различных недругов. Эту мысль укрепляло массовое доноительство [4]. «Научный директор, пригласивший Олю на работу, здесь давно (года 4–5). Привык быть господином положения. Всех неугодных сотрудников скоро сбавил»¹⁰.

«19 августа у нас был Совет Научный очень шумный. Между прочим на нем рассматривалось несколько (три) докладных записей директору на счет Прозоровского – по поводу его неправильного руководства. Была там и моя записка на счет беспризорного гербария. Затронутые лица меня упрекали в доносах»¹¹.

Репрессивная политика резко меняла жизнь каждого, кого она затронула [5; 6].

⁸ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 410. Л. 32.

⁹ Там же. Л. 48.

¹⁰ Письмо Соколовой Ирины Сергеевны своей дочери Ирине 24.08. Середина 1930-х гг. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 2.

¹¹ Письмо Соколовой Ольги сестре 27.08.1938 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 4.

Человек вскоре после осуждения понимал, что шансов вернуть потерянное положение в обществе, в случае освобождения, немного. Другое дело – не допустить такой же тяжелой участи для своих детей. Осужденные старались повлиять на них и убедить в необходимости быть лояльными к власти, а лучше всего активно ее поддерживать. Увидеть повторение своих ошибок детьми они не хотели. Так, сотрудник отдела снабжения лесного хозяйства г. Моршанск А.С. Пронин получил наказание в виде 10 лет тюремного заключения. Его дочь училась в 10 классе, и отец понимал, что это важный рубеж в ее жизни, когда правильно поставленные цели позволяют многого достичь. А.С. Пронин из исправительно-трудового лагеря (ИТЛ) (!) ставит перед своей дочерью ряд задач, среди которых «вопрос твоего комсомольского положения. Ни в коем случае не следует порывать связь с организацией. В рядах комсомола у нас находятся лучшие люди из нашей советской молодежи. Надо действительно жить идейным партийцем. В этом есть наше духовное призвание»¹².

Советская власть, утверждая единую идеологию, вела борьбу с религией. Верующие болезненно воспринимали повсеместное закрытие церквей и исчезновение священников, но продолжали тайно соблюдать посты, посещать храмы и отмечать церковные праздники.

«Завтра Вознесение, а я не могу попасть в церковь. Грустно, страшно...»¹³.

«И это письмо едва ли получишь ко дню Ангела, с которым я тебя поздравляю, крепко обнимаю и целую. Господь да хранит тебя и Матерь Божия. Ты будешь именинницей в Великий Страстный Четверг, в который когда-то так дружно хорошо ходили мы все вместе в церковь»¹⁴.

Религиозность у советского общества на протяжении 1930-х гг. снижалась, что находит отражение в письмах и дневниках. С каждым годом меньше упоминаний о посещении церкви или соблюдения постов. Все больше в сознание людей входили советские

праздники, которые постепенно выдвигались на первый план, оттесняя церковные. Атеизм и советизация общества побеждали веру в Бога.

Руководство страны достигло поставленной цели: регионы, районы и отдельные хозяйства с трудом, но выполняли поставленные перед ними задачи. Советское общество через массовые репрессии заставило подчиниться и беспрекословно все выполнять. Церковь была практически уничтожена и не представляла идеологическую опасность.

Принять существующую реальность были готовы не все. Материальные трудности испытывало все общество, но в городе положение было значительно лучше, в сравнении с сельской местностью [7]. В итоге на протяжении 1930-х гг. нарастала массовая миграция населения из деревень в районные и областной центры. Государство к этому относилось неоднозначно. Новые заводы и фабрики нуждались в огромном количестве свободных рабочих рук, но желающих перебраться в город было так много, что всех трудоустроить не представлялось возможным [8]. В основном отправлялись наиболее предприимчивые и трудолюбивые люди. К сожалению, жилья всем не хватало, поэтому большинству приезжих приходилось останавливаться в ночлежках и общежитиях, что являлось «скопищем представителей преступной среды» [9, с. 62]. Следствием этого стал рост преступности в области, особенно в городах.

Самыми распространенными правонарушениями стали кражи и спекуляция, которые чаще всего совершались безработными и беспризорниками. Чаще встречалось мелкое воровство и ограничивалось в основном продуктами и товарами первой необходимости (личные вещи, спички, керосин и т. д.). Раскрываемость была относительно невысокой, не более 65–70 % [10, с. 133]. Нередко сотрудники правопорядка фактически покрывали преступления и правонарушения. Так, во время пьесы, проходящей в железнодорожном театре Тамбова, небольшая группа людей стала «орать дико, что публика, сидевшая в зрительном зале, стала сомневаться за свою судьбу» [10, с. 133]. Администрация учреждения попыталась успокоить хулиганов, но, к своему удивлению, обнаружила

¹² Письмо Пронина А.С. дочери Зое 18.01.1937 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 5.

¹³ Письмо брата Соколова Сергея сестре Ольге 17 мая. Середина 1930-х гг. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 2.

¹⁴ Письмо Соколовой И.С. Середина 1930-х гг. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 1.

среди этой компании милиционера, который должен был следить за порядком. На просьбы арестовать нарушителей он отказал, мотивировав тем, что «они свои ребята, и жалко тащить в милицию»¹⁵. Данные случаи были не единичными, что подрывало доверие общества к стражам порядка.

Несмотря на трудности, для «вчерашнего колхозника» жизнь в городе была привлекательней, нежели в сельской местности. Практически не возникало перебоев с продуктами, появлялось больше возможностей купить необходимый товар. Рабочий день в колхозе практически не имел временных ограничений при строгом распорядке 7 часов в день «шестидневки» на заводе. Медицинское обслуживание в городе было лучше. Так, в нем на одного врача приходилось около 1200 человек, а в сельской местности 8 тыс.¹⁶. В некоторых районах (например, Глазковский) на 35–50 тыс. человек было всего 2–3 врача. Недостаток в медицинских кадрах усугублялся еще тем, что на территории Тамбовской области в 1930-е гг. были отмечены многочисленные случаи эпидемий. В 1937 г. была зарегистрирована 191 тыс. заболеваний малярией¹⁷. Из года в год отмечались вспышки сыпного тифа.

Происходящие события в советском обществе трактовали по-разному. Старшее поколение скептически относилось к окружающей действительности. Руководство страны критиковали редко, так как поддерживали в большинстве своем политику Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) (ВКП(б)). В то же время данная группа людей нередко ставила под сомнение эффективность советской системы. Любые возникающие сложности в жизни объясняли плохой организацией управления при власти большевиков. Так, особой критике взрослого населения страны подвергалась работа железной дороги, где постоянно была «неразбериха и волокита»¹⁸, которая создавала серьезные сложности человеку, решившемуся отправиться в другой город. Вина ложилась, конечно, на мелких чиновников, но многие понимали, что при прежней власти такого не

произошло бы. В то же время, рассматривая письма молодого поколения, мы не находим в них недовольства. Отсутствие должного порядка на транспорте не вызывает у них раздражения. «Дорога прошла сносно, как обычно»¹⁹.

Одобрение в обществе вызвала политика в области просвещения. На территории региона было развернуто массовое строительство школ, общее количество которых к 1938 г. было доведено до 2401. Наиболее успевающих и активных детей региональные власти поощряли экскурсиями в Крым, Киев, Москву, Ленинград, Саратов. В каждом районе открывались пионерские лагеря. На 1 августа 1939 г. их было открыто 97, которые охватывали 34 тыс. детей²⁰.

Отношение к местной власти было сложным. Советские жители понимали, что региональные чиновники были заинтересованы в улучшении жизни, но используемые ими методы и принятые решения вызывали ненависть и разочарование. Неодобрительно относились к наличию у советских работников определенных привилегий. В письмах и дневниках авторы часто отмечали случаи произвола, беззакония, творимые руководителями, а также отсутствие не только желания что-либо делать, но и невыполнение своих прямых обязанностей. Обычному гражданину было сложно понять причину жестокости местной власти. Особенностью руководства районов, сельсоветов была моральная распущенность некоторых ее членов.

«Была у меня молодая учительница, девушка скромная, старательная <...>. Эта уже совсем не скромная. Работала она в Камышенке и познакомилась с капитаном <...> к нему ездила каждый выходной и опаздывала на работу. За это ее сняли, но так как наш заведующий тоже к ней равнодушен, то и послал ее работать в мою школу»²¹.

У молодого поколения преобладало положительное отношение, чему способствовало идеологическое воспитание, которое было основано на социалистических ценностях и формировании кумиров из деятелей революции. В данном случае любопытен дневник

¹⁵ ГАТО. Ф. Р-396. Оп. 1. Д. 126. Л. 26.

¹⁶ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 551. Л. 17-18.

¹⁷ Там же. Л. 18.

¹⁸ Письмо Соколовой И.С. 24 апреля 1935 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 3.

¹⁹ Письмо Соколовой Ольги 28 апреля 1935 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 2.

²⁰ ГАСПИТО. Ф. П-1045. Оп. 1. Д. 549. Л. 19.

²¹ Письмо Соколовой М. 1938 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 2.

Баранова Валентина Петровна. К моменту первых записей в 1940 г. ему было 16 лет. Для В.П. Баранова кумиром являлся Г.И. Котовский, которого он постоянно цитирует. Несмотря на то, что Г.И. Котовский прославился как военачальник, для юноши он – учитель жизни. Автор пытается все время следовать его заветам: «Только железная воля и решение быть на свободе, жажда борьбы, ежедневная тренировка в виде гимнастики спасли меня от гибели»²². Существовала и другая причина положительного отношения основной части молодежи к власти. Советское руководство предоставило человеку возможность реализовать себя в любой профессии и сфере. Так, В.П. Баранов в 16 лет пробует себя в журналистике, пытается поступить в авиационное училище, а также стремится выиграть лыжный комсомольский кросс.

Активная внешняя политика государства не осталась без внимания авторов писем и дневников. Рядовые граждане, часто критиковавшие действия правительства за совершенные ошибки внутри страны (тяжелое материальное положение, злоупотребления местных руководителей), поддерживали ее международный курс. В обществе понимали, что благополучие страны и каждого человека зависит от успешности внешней политики. Большинство людей с трепетом прослушивало сводки, новости, читало статьи о происходящих за рубежом событиях. Еще свежи были воспоминания о Первой мировой войне и ее последствиях, поэтому обыкновенному человеку не хотелось воевать.

«Дорогая Раюнечка! Ты не представляешь себе, как я был рад, что дело обошлось мирным порядком без кровопролития. Ведь я только не писал тебе, не хотел зря расстраивать и тревожить, в чем и оказался прав. А ведь у нас со дня на день ждали – вот-вот война»²³.

В конце 1930-х гг. в обществе росло стремление вернуть недавно утраченные территории [11, с. 17-19]. Политика И.В. Сталина – вернуться в имперские границы – имела положительные отклики среди населения.

Оценивая отношение населения Тамбовского региона к проводимой политике вла-

стей во второй половине 1930-х гг., следует отметить, что оно формировалось под влиянием множества факторов, которые действовали совокупно, а не отдельно.

Региональные власти в исследуемый период стремились максимально выполнять директивы правительства, нередко создавая еще больше трудностей местному населению. Между тем нельзя утверждать, что положение людей их мало интересовало. В городах и селах было развернуто массовое строительство школ, библиотек, больниц. В Тамбове, Мичуринске, Рассказово и Моршанске стремительно менялся облик улиц. Старые ветхие деревянные дома сменялись каменными многоэтажными постройками. В городе расширялась сеть культурно-досуговых учреждений.

Общество к проводимым мероприятиям относилось скептически. Соглашалось с тем, что в случае реализации намеченных проектов положение изменится к лучшему. В то же время окружающая действительность заставляла в этом сомневаться. Медлительность, нередкие злоупотребления местных руководителей не позволяли осуществить все задуманное. Необходимо разграничивать отношение к местной и верховной властям, так как оно часто различно в одном и том же источнике. Довольно часто можно было наблюдать одобрение действий руководства страны и осуждение региональных чиновников. Однако для человека злом был не весь местный аппарат власти, а один или несколько чиновников, виновных в его бедствиях и трудностях.

Население идти на открытый конфликт с властью не хотело, поэтому стремилось использовать существовавшие возможности, чтобы изменить свое положение. Сельские жители, надеясь на улучшение материального положения, начали массово переселяться в город. Бедственное положение в колхозах заставляло их соглашаться на ночлежки и общежития. Нехватка товаров первой необходимости стала причиной роста преступности, в особенности краж и спекуляций. В исследуемый период все больше людей ради создания жизненного комфорта начинали не только поддерживать курс правительства, но стремились стать частью правящего класса, вступая в ряды ВКП(б). Практически все общество (за редким исключением) одобряло

²² ГАСПИТО. Ф. П-9327. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

²³ Письмо Ермилова А.И. жене Ермиловой Р.Т. 30.06.1940 г. // Личный архив В.Л. Дьячкова. С. 1.

внешнюю политику государства, и готово было смириться с трудностью своего положения ради укрепления могущества СССР.

Список литературы

1. *Иванова Г.М.* История ГУЛАГа 1918–1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты. М., 2006. 437 с.
2. *Дьячков В.Л.* Политические репрессии 1918–1953 гг.: причины и структура (тамбовский случай) // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР. 1953–2013: 60 лет без Сталина. Осмысление прошлого советского государства: материалы 8 Международ. науч. конф. Краснодар, 2013. Ч. 1. С. 265-277.
3. *Сулов А.Б.* Дети под следствием НКВД в годы Большого террора (по материалам Пермского края) // История сталинизма: репрессированная российская провинция. М., 2011. С. 191-195.
4. *Фицпатрик Ш.* Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы: деревня. М., 2001. 422 с.
5. *Хлевнюк О.В.* 1937-й: Сталин, НКВД и советское общество. М., 1992. 268 с.
6. *Шевляков А.С.* Репрессивная деятельность политотделов МТС и совхозов в 1930-е годы // Проблемы истории массовых политических репрессий в СССР: материалы 3 Всерос. науч. конф. Краснодар, 2006. С. 81-83.
7. *Безгин В.Б.* Крестьянская повседневность: (традиции конца XIX – начала XX века). Тамбов, 2004. 304 с.
8. *Осокина Е.А.* За фасадом сталинского изобилия: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941 гг. М., 1999. 271 с.
9. *Лебина Н.Б.* Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии 1920–1930-х гг. СПб., 1999.
10. *Мигущенко О.Н.* Влияние социально-экономической политики государства на развитие правовых взглядов сельского населения в 1928–1934 гг. (на материалах Центрально-Черноземной области). Курск, 1999.
11. *Шинкарчук С.А.* Общественное мнение в Советской России в 30-е годы: (По материалам Северо-Запада). СПб., 1995. 142 с.

Поступила в редакцию 17.03.2018 г.

Отрецензирована 14.04.2018 г.

Принята в печать 10.08.2018 г.

Информация об авторе

Жигульский Андрей Владимирович, аспирант, кафедра всеобщей и российской истории. Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация. E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Для цитирования

Жигульский А.В. Отношение населения тамбовского региона к проводимым мероприятиям ВКП(б) во второй половине 1930-х гг. (на основе писем и дневников) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. Тамбов, 2018. Т. 23, № 176. С. 185-194. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-185-194.

**THE ATTITUDE OF THE POPULATION OF THE TAMBOV REGION
TO THE ACTIVITIES OF THE CPSU(b) IN THE SECOND HALF OF THE 1930s
(based on letters and diaries)**

Andrey Vladimirovich ZHIGULSKIY

Tambov State University named after G.R. Derzhavin
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
E-mail: zhigulskq@yandex.ru

Abstract. The attitude of the population of the Tambov Region to the activities of the Communist Party of the Soviet Union (bolsheviks) in the second half of the 1930s is analyzed. The main actions of local authorities in the period under investigation are considered. Particular attention is paid to the study of the scale of the activities carried out and their impact on the local population. The reasons for the failure of the regional government to fulfill many of the government's goals have been identified. The methods used by local officials aimed at achieving the assigned tasks are considered. Based on letters and diaries written in the second half of the 1930s, the attitude of the region's inhabitants to the events is defined. The assessment is formed under the influence of many factors, including age, place of residence, social status, political oppression or lack of it, as well as the religiousness of memoirists. During the events, the population moved to the city, and also often committed crimes in the form of theft or speculation of scarce goods. To fight negligence, slowness and abuses of local authorities, they began to appeal more often with complaints or various explanations to higher authorities, but stopped organizing uprisings and rallies. The position of the authors of letters and diaries on foreign policy pursued by the Soviet government is considered.

Keywords: collective farm; mandatory and voluntary payments; repression; crimes; "harassment" of disliked people; education and medicine in the region

References

1. Ivanova G.M. *Istoriya GULAGa 1918–1958: sotsial'no-ekonomicheskii i politiko-pravovoy aspekty* [The History of the Gulag of 1918–1958: Social-Economic and Political-Legal Aspects]. Moscow, 2006, 437 p. (In Russian).
2. Dyachkov V.L. Politicheskie repressii 1918–1953 gg.: prichiny i struktura (tambovskiy sluchay) [Political repressions of 1918–1953: causes and structure (on the Tambov case)]. *Materialy 8 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR. 1953–2013: 60 let bez Stalina. Osmyslenie proshlogo sovetского gosudarstva»* [Proceedings of 8 International Scientific Conference "Issues of the History of Massive Political Repressions in the USSR. 1953–2013: 60 years without Stalin. Understanding the Past of the Soviet State"]. Krasnodar, 2013, part 1, pp. 265-277. (In Russian).
3. Suslov A.B. Deti pod sledstviem NKVD v gody Bol'shogo terrora (po materialam Permskogo kraja) [Children under NKVD investigation during Great Terror (on the materials of Perm Territory)]. *Istoriya stalinizma: repressirovannaya rossiyanskaya provintsiya* [History of Stalinism: Repressed Russian Province]. Moscow, 2011, pp. 191-195. (In Russian).
4. Fitspatrik S. *Stalinskie krest'yane. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-e gody: derevnya* [Stalin's Peasants. Social History of Soviet Russia in 1930: Countryside]. Moscow, 2001, 422 p. (In Russian).
5. Khlevnyuk O.V. *1937-y: Stalin, NKVD i sovetское obshchestvo* [1937: Stalin, NKVD and Soviet Society]. Moscow, 1992, 268 p. (In Russian).
6. Shevlyakov A.S. Repressivnaya deyatel'nost' politotdelov MTS i sovkhozov v 1930-e gody [Repressive activity of political departments of tractor depots and sovkhozs during 1930s]. *Materialy 3 Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii «Problemy istorii massovykh politicheskikh repressiy v SSSR»* [Proceedings of 3 All-Russian Scientific Conference "The History Problems of Massive Political Repressions in the USSR"]. Krasnodar, 2006, pp. 81-83. (In Russian).
7. Bezgin V.B. *Krest'yanskaya povsednevnost': (traditsii kontsa XIX – nachala XX veka)* [Peasants' Everyday Life: (Traditions of the late 19th – early 20th Century)]. Tambov, 2004, 304 p. (In Russian).
8. Osokina E.A. *Za fasadom stalinskogo izobil'ya: Raspredelenie i rynek v snabzhenii naseleniya v gody industrializatsii. 1927–1941 gg.* [Behind the Facade of Stalin's Abundance: Distribution and Market at Providing Population during Industrialization Years. 1927–1941]. Moscow, 1999, 271 p. (In Russian).
9. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn' sovetского goroda: Normy i anomalii 1920–1930-kh gg.* [Everyday Life of a Soviet Town: Norms and Anomalies of 1920–1930]. St. Petersburg, 1999. (In Russian).
10. Migushchenko O.N. *Vliyaniye sotsial'no-ekonomicheskoy politiki gosudarstva na razvitie pravovykh vzglyadov sel'skogo naseleniya v 1928–1934 gg. (na materialakh Tsentral'no-Chernozemnoy oblasti)* [Influence of Social and Economical

State Policy on the Development of Rural Population Legal Views in 1928–1934 (on the Materials of Central Black Earth Region)]. Kursk, 1999. (In Russian).

11. Shinkarchuk S.A. *Obshchestvennoe mnenie v Sovetskoj Rossii v 30-e gody: (Po materialam Severo-Zapada)* [Social Opinion in Soviet Russia in 1930: (On the Materials of North-West)]. St. Petersburg, 1995, 142 p. (In Russian).

Received 17 March 2018

Reviewed 14 April 2018

Accepted for press 10 August 2018

Information about the author

Zhigulskiy Andrey Vladimirovich, Post-Graduate Student, General and Russian History Department. Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation. E-mail: zhigulskq@yandex.ru

For citation

Zhigulskiy A.V. Otnoshenie naseleniya tambovskogo regiona k provodimym meropriyatiyam VKP(b) vo vtoroy polovine 1930-kh gg. (na osnove pisem i dnevnikov) [The attitude of the population of the Tambov Region to the activities of the CPSU(b) in the second half of the 1930s (based on letters and diaries)]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2018, vol. 23, no. 176, pp. 185-194. DOI 10.20310/1810-0201-2018-23-176-185-194. (In Russian, Abstr. in Engl.).